

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И ТЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ МОНГОЛИЯ
ХОВДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК II

БАРНАУЛ 2008

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М – 64

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук П.К. Дашковский

Редакционная коллегия
доктор исторических наук Л.Н. Ермоленко
доктор культурологи Л.С. Марсадолов
доктор исторических наук А.А. Тишкин
доктор исторических наук А.В. Харинский
доктор исторических наук С.А. Яценко
кандидат исторических наук Р.А. Кушнерик
кандидат педагогических наук Н. Цэдэв

Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2008. – Вып. II. – 303 с.

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, а также новым религиозным движениям. Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

ISBN–978–5–93957–218–7

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии (проект №08-01-92004а/G, тема «Этносоциальные процессы и формирование синкретичных мировоззренческих систем у кочевников Алтая и Северо-Западной Монголии») и Фонда Президента РФ (проект №МК-132.2008.6, тема «Формирование и эволюция мировоззренческих систем в контексте культурно-исторических и этнополитических аспектов развития кочевников Южной Сибири в эпоху поздней древности и раннего средневековья»)

На обложке антропоморфная личина из могильника Чинета-II (раскопки П.К. Дашковского, рисунок А.Л. Кунгурова)

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДИСЛОВИЕ	5
I. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	7
<i>А.Л. Кунгуров</i> Проблема сложения менталитета древнейших обществ Алтая	7
<i>Ю.Б. Сериков</i> Использование фрагментов керамики в культах и ритуалах	11
<i>С. В. Сотникова</i> Опыт реконструкции Алакульских представлений о мире (по материалам могильника Ермак-IV).....	32
<i>А.А. Горячев</i> О погребальных традициях племен поздней бронзы урочища Ой-Джайляу в Чуилийских горах	44
<i>Н.И. Рыбаков</i> «Солнце-луна» в петроглифах Июсских степей.....	60
<i>П.К. Дашковский, Н.Н. Серегин</i> Кенотафы кочевников Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья	83
<i>Л.Н. Ермоленко</i> Об отзвуках героического эпоса в письменных памятниках, содержащих сведения о кочевых народах	101
<i>А.И.Тугутов</i> Гадание и традиционное мировоззрение монголов	115
<i>М.В. Егорочкин</i> Комплекс вооружения «Ай-Хуучин» (К вопросу исторической интерпритации эпических паноплий).....	124
<i>А.А. Курапов</i> Формирование и реализация социально-политической доктрины буддизма в отдельных национальных традициях.....	140
<i>С.А. Комиссаров</i> Соотношение мифологических систем Китая и Кореи	153

**II. ПАЛЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЕ
И ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
РИТУАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ..... 158**

В.Е. Ларичев

Космогония и космология жречества эпохи палеометалла юга Западной Сибири (астральная теогония и протонаука в символах и образах протохрама «Сотворение Вселенной» Северной Хакасии) 158

В.Е. Ларичев, С.А. Паршиков, С.А. Прокопьева

Астрономические, календарные и религиозно-мифологические принципы размещения в пространстве гробниц раннего железного века Северной Хакасии (на примере могильного поля, опорных плит и визирных лимбов окрестностей святилища Саратовский Сундук)..... 182

Л.С. Марсадолов, Н.В. Дмитриева, В.А. Иконников

Первые палеоастрономические исследования на святилище у горы
Монастыри на Западном Алтае 207

Ю.И. Ожередов

Сакральные сооружения в сомонном центре Эрдэнэ-Бурэн
Ховдского аймака Западной Монголии 219

М.А. Дэвлет

Каменная плита 01-00 из кургана Аржан-2 в контексте петроглифов Тувы... 233

**III. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
И ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ..... 241**

Е.В. Нам

Представления о смерти в античной культурной традиции
и шаманском мировоззрении народов Сибири 241

В.М. Мендешева

Конь в традиционной культуре алтайцев..... 250

Б.Ю. Кичекова

Отражение традиционного мировоззрения алтайцев в национальной одежде. 260

Э.В. Енчинов

Правовые обычаи связанные с беременностью в традиционном
мировоззрении алтайцев..... 271

Н.К. Смагулов

Факторы панисламизма и пантюркизма в контексте проведения
большевистским правительством внешней политики и территориального
размеживания среднеазиатских государств в 1917–1924 гг..... 277

Р.В. Шиженский

Иерархическое положение волхвов в структуре русских неоязыческих
организаций 288

Ю.Б. Сериков

*Нишнетагильская государственная социально-педагогическая академия,
г. Нижний Тагил, Россия*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАГМЕНТОВ КЕРАМИКИ В КУЛЬТАХ И РИТУАЛАХ

В настоящее время уже доказано, что изобретение керамики произошло в палеолитическую эпоху не менее, чем 26 тысяч лет назад. Тем не менее, повсеместное распространение керамической посуды получила только в эпоху неолита. С внедрением глиняных сосудов человек получил посуду нужной ему емкости, формы и прочности. Возникновение керамики показывает, что человек впервые смог преобразовать один материал (глину) в другой (керамику).

Однако существуют еще и другие аспекты использования керамики, которые в обобщающем виде пока не рассматривались. Имеется в виду использование фрагментов битой керамической посуды. Обломки керамических сосудов по форме, толщине и прочности представляли собой идеальные (и многочисленные) заготовки для изготовления разнообразных изделий, которые использовались в разных областях как хозяйственной, так и культовой практики древнего человека.

По количеству и разнообразию на первое место нужно поставить так называемые «пряслица» и их заготовки, т.е. диски без отверстия. Автор уже обращался к вопросу о функциональном и сакральном назначении «пряслиц» (Сериков Ю.Б., 1996; 2005). Проанализировав многочисленные находки и условия их нахождения, он приходит к выводу, что так называемые «пряслица» можно рассматривать как солнечный символ, в котором функциональное и сакральное значение солярного орнамента и формы изделия слиты воедино. «Пряслице» предстает как символ вращения, дающего огонь и тепло (Сериков Ю.Б., 2005, с. 93–99). Если предположить, что керамические диски, а также их каменные и костяные аналоги, служили маховичками в лучковых приборах для добывания «священного» огня, то становится понятным их присутствие на святилищах (Сериков Ю.Б., Серикова Л.В., 2005, с. 25–26), в мужских погребениях (Берсенева Н.А., 1999, с. 115–117), в металлургических комплексах (Викторова В.Д., Непомнящая О.В., 2006, с. 130–137). Что касается использования пряслиц при прядении, то нужно учесть, что в лесной зоне Евразии керамические «пряслица» широко распространены уже в неолите (рис. 1.-1–2). Трудно предпо-

ложить, что столь же широко в лесной зоне в эту эпоху было распространено и прядение.

Использование «пряслиц» в древности носило настолько разнообразный характер, что неудивительно, что в последние годы появилась серия статей, посвященных их исследованию.

Изучив посредством микроанализа керамические «пряслица» из могильников и поселений саргатской культуры, Н.А. Берсенева и А.Г. Берсенев выяснили, что трасологически «пряслица» разбиваются на две основные группы: со следами вращения и со следами подвешивания (Берсенева Н.А., Берсенев А.Г., 2002, с. 221–222). Конкретизируя свои исследования, они указывают способы использования «пряслиц»: в качестве маховиков для добывания огня и в качестве грузиков на ткацком станке. К сожалению, они не смогли выяснить что-либо определенное по поводу «пряслиц», выточенных из стенок лепных сосудов (Берсенева Н.А., Берсенев А.Г., 2004, с. 202–204).

Анализируя сюжеты, изображенные на «пряслицах» ананьинской культуры, В.Г. Котов предполагает, что «огневое сверло символизировало собой мировую/космическую ось, под которой воспринималась мировая гора в индоиранской традиции» (Котов В.Г., 2003, с. 201–202).

Подобную гипотезу предлагает и В.В. Отрощенко. Только в его реконструкции диск, надетый на деревянный стержень, представляет модель священного дерева (Отрощенко В.В., 2004, с. 224–227).

Несколько работ посвящено семантике образа свернувшегося хищника, изображения которого присутствуют на «пряслицах» ананьинской культуры (Коренюк С.Н., 2003, с. 204). Разносторонний анализ этого образа приводит исследователей к мнению о солярной символике «пряслиц» и изображений на них (Черных Е.М., Тищенко И.Г., 2006, с. 125–128).

Закодированные тексты мифологической картины мира видит В.Д. Викторова в орнаментах, представленных на «пряслицах» иткульской культуры раннего железного века (Викторова В.Д., 2003, с. 194–197). Она же полагает, что добывание «живого» огня на металлургических комплексах являлось своеобразной гарантией удачной плавки металла. После проведения ритуала и удачной плавки металлурги подвешивали «пряслица» к поясу (Викторова В.Д., Непомнящая О.В., 2006, с. 142). Последнее предположение основано на наблюдениях Н.А. Берсеновой, которая отмечает, что в саргатских могилах «пряслица» чаще всего располагаются в области черепа или таза, голени и стоп. Причем, в мужских погребениях «пряслица» с этими местами связаны жестче (Берсенева Н.А., 1999, с. 116–117).

Исследования автора показывают, что обычай использовать «пряслица» в качестве подвесок или нашивок возник гораздо раньше. Уже в неолите известны «пряслица» с диаметром отверстия 3–5 мм (рис. 1.-3–4). Проведенные эксперименты показали, что «пряслица» с диаметром отверстия в 5 мм в процессе высверливания огня часто ломались. Наилучшие результаты достигнуты с «пряслицами» с диаметром отверстия от 7 мм и более. В любом случае использовать для добывания огня «пряслица» с отверстием в 3 мм (а известны «пряслица» с отверстием даже в 2 мм!) (рис. 1.-7) представляется нереальным. Можно предположить, что в подобных случаях «пряслица» являлись не частью огненного прибора, а его знаком, символом «священного» огня. Кроме того, среди находок присутствуют «пряслица», которые имеют не круглую, а овальную или близкую к ней форму (рис. 1.-4, 5, 10). Как раз у подобных «пряслиц» отверстия отличаются определенными особенностями. Например, у неолитического «пряслица» с Шайтанского озера диаметр отверстия всего 3 мм. К тому же оно выточено таким образом, что в центре изделия оказался треугольник, который входил в состав орнаментальной схемы сосуда (рис. 1.-4). Энеолитическое «пряслице» с Юрьинского озера имеет грушевидную форму с пришлифованной внизу площадкой (рис. 1.-5). Особенностью этого «пряслица» является проточенность отверстия, которая могла возникнуть только в том случае, если изделие долгое время находилось в подвешенном состоянии. Такая же проточенность присутствует и у третьего «пряслица» не круглой формы (рис. 1.-10). С этого же памятника (Шайтанское озеро II) происходит еще 3 «пряслица» с проточенными отверстиями (рис. 1.-6, 9, 11), которые, как и первое, датируются ранним железным веком.

Кроме «пряслиц» в культовых комплексах часты находки дисков, выточенных из фрагментов разбитых сосудов. Обычно их называют заготовками пряслиц. Некоторые видят в них своеобразные «игральные жетоны» для настольных игр (Потемкина Т.М. и др., 1995, с. 48). Чаще всего диски находят на памятниках культового характера. Значительные их серии выявлены на памятниках, сакральный статус которых обычно определяется как культовые центры больших территориальных групп. Для эпохи неолита – это Кокшаровский холм (Шорин А.Ф., 2007) (рис. 2.-2, 4, 8–10), для энеолита – Шайтанское озеро I (Сериков Ю.Б., 2004) (рис. 2.-1, 5–7), для бронзового века – Сузгун II и Чудская Гора (Потемкина Т.М., 2007).

Изготавливались диски путем оббивки краев фрагмента керамики по периметру. Затем они обрабатывались продольной шлифовкой, т.е. движениями вдоль плоскости фрагмента. Однако известны диски и

без шлифовки. Возможно, это свидетельство их одноразового использования. Далеко не все диски имеют правильную круглую форму. На некоторых дисках присутствует глухая (несквозная) сверлина (рис. 2.-3, 10). Круг с точкой в центре обычно рассматривается как символ солнца. Можно предположить, что и остальные диски являлись подобными же знаками. На святилище раннего железного века, расположенном на вершине горы Голый Камень (Нижний Тагил), где ярко представлен солярный культ, в числе других находок обнаружено 21 пряслице и 13 дисков. На двух дисках из этой коллекции также сделаны глухие сверлины (Сериков Ю.Б., Серикова Л.В., 2005, с. 36–45). Совместное залегание серии пряслиц и дисков на одном памятнике позволяет предполагать их одинаковое сакральное и функциональное назначение. Единый комплекс пряслиц и дисков зафиксирован еще на одном культовом памятнике, но уже неолитической эпохи – Кокшаровском холме. Он содержит не менее двух десятков пряслиц и около 15 керамических дисков (рис. 2.-2, 4, 8–10). Интересно, что 4 диска изготовлено из стенок сосудов без орнамента. Еще у трех дисков орнамент отсутствует вследствие расслоения фрагментов сосудов (рис. 2.-4, 9). Возможно, для функции диска значимую роль имела именно форма, а не его украшение. Представляет интерес миниатюрный диск 2,5 см диаметром, у которого путем встречного сверления намечено отверстие. Причем, если диаметр сверлин составляет 7–8 мм, то образовавшееся отверстие имеет диаметр чуть больше миллиметра (рис. 2. -10). При работе сверлом сверлины довели до появления отверстия, но расверливать его с целью увеличения диаметра почему-то не стали. Данный факт может свидетельствовать о том, что и пряслица и диски использовались в одинаковых целях.

В коллекции Кокшаровского холма (как и на других памятниках) имеется 3 фрагмента, у которых обработка затронула только отдельные участки. Следы обработки у них такие же, как и на полных дисках. Их можно было бы считать незаконченными изделиями, если бы они не образовывали серию. Видимо, существовал какой-то ритуал, для которого достаточно было только наметить форму культового предмета.

Таким образом, анализ керамических «пряслиц» и дисков позволяет предположить, что ведущую роль в сакральном и функциональном значении этих изделий играла форма предмета – круг, круг с точкой в центре, круг с отверстием в центре. Все указанные знаки являются солярными символами. Орнамент, присутствующий на обломках керамического сосуда, из которых изготавливались «пряслица» и диски, обычно не имел особого значения. Но бывали, видимо, и исключения. В некоторых случаях орнамент представляет явную композицию,

которая вписана в площадь «пряслица» или диска (рис. 1.-1–2). В этом плане представляет интерес изделие, уже описанное выше. Отнести к «пряслицам» его можно только условно, так как оно имеет не круглую, а овальную форму размером 5,1 см × 4,3 см. Диаметр отверстия в центре изделия всего 3 мм. Неолитический сосуд, из фрагмента которого изготовлено «пряслице», был орнаментирован поясами треугольников. «Пряслице» выточено таким образом, что один из этих треугольников оказался в его центре (рис. 1.-4). Безусловно, это сделано намеренно. Возможно, этот треугольник изображал «мировую гору». В связи с этим можно вспомнить предположение В.Г. Котова о том, что огненный прибор символизировал космическую ось в виде мировой горы.

Большой интерес представляют «пряслица», у которых орнамент нанесен (прочерчен) по сухой глине. К примеру, на «пряслице» с Голого Камня по сухой глине прочерчен циркульный орнамент (Сериков Ю.Б., Серикова Л.В., 2005, рис. 17, 7). На Кокшаровско-Юрьинской II стоянке найдено «пряслице», изготовленное из неорнаментированной стенки сосуда. Но по большой примеси в тесте сосуда мелкодробленого талька его можно отнести к эпохе неолита. Тем более что оно и обнаружено в неолитическом слое. Уже по сухой глине на пряслице были прочерчены прямые и ломаные линии. В композицию они не собираются. Очень предположительно в гравировках можно увидеть изображение птицы, у которой длинная шея, треугольное тулово и вытянутые назад ноги (лебедь?)^{*} (рис. 1.-3). Если учесть, что «пряслица» с сюжетным орнаментом появляются в эпоху энеолита (Бишони Р., 1977, с. 159-160), а широкое распространение получают только в раннем железном веке (Викторова В.Д., 2003, с. 195), то данную находку следует признать уникальной. Следует также подчеркнуть, что керамические «пряслица» со специально нанесенным орнаментом встречается гораздо реже, чем «пряслица» каменные и глиняные. Интересно еще одно наблюдение: каменные пряслица ананьинской культуры найдены в основном на святилищах, а глиняные и керамические – на поселениях (Гуляева Ю.П., Коренюк С.Н., 1996, с. 24–26).

Все вышеприведенные детали лишней раз показывают, что диапазон использования, а также сакрального и функционального назначения так называемых «пряслиц» и дисков гораздо шире и многообразнее, чем представляется обычно. «Пряслица» могли использоваться в лучковом приборе для добывания «священного», «живого» огня в качестве маховичков; в качестве особых (солярных?) знаков они могли

* Приношу искреннюю благодарность М.Г. Жилину за предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы.

служить украшением костюма сакрально значимых лиц; очень часто «пряслица» являлись солярными символами; в этом качестве они использовались в ритуалах, связанных с выплавкой металла; по мнению некоторых исследователей, в орнаментированных пряслицах закодирована мифологическая картина мира и календарная символика.

Поэтому правильнее было бы признать синкретизм значения «пряслиц» в обрядовой и ритуальной практике разных культур и эпох (Сериков Ю.Б., 2005, с. 99). В любом случае ясно, что «пряслица» являются далеко не ординарным объектом исследования, и познание их функционального и сакрального назначения требует специальных исследований многих археологов. Вполне вероятно, что в разные эпохи и на разных территориях семантическое наполнение «пряслиц» менялось в зависимости от конкретных ситуаций.

Помимо «пряслиц» и дисков из фрагментов керамики часто изготавливались различного рода украшения: подвески, нашивки, бляшки. Различия между ними часто условны, поскольку критерии их выделения до сих пор не разработаны. Традиционно подвесками называются изделия, которые имеют оформленные приспособления для подвешивания. Это может быть отверстие, круговая канавка по периметру изделия или противоположные выемки для привязывания. Нашивки часто повторяют форму подвесок, но не имеют приспособления для подвешивания. Бляшки являются разновидностью нашивок. Они могут иметь одно отверстие в центре или два и более в других местах изделия. Обычно бляшки строго индивидуальны и крайне редко образуют серии (Сериков Ю.Б., 2007, с. 78–84).

Форма керамических подвесок разная: овальная, круглая, прямоугольная. Различаются и их размеры. Очень часто типы подвесок строго индивидуальны и не образуют серий. Самая крупная и разнообразная коллекция керамических подвесок выявлена на озерном культовом центре Шайтанское озеро I (рис. 3.-1–7, 9–11). Любопытна крупная (7 × 4,5 см) керамическая подвеска, выполненная из венчика неолитического сосуда (рис. 6.-1). В зауженной части изделия присутствуют две противоположные выемки, вырезанные каменным ножом. Подвеска украшена прочерченным орнаментом в виде прямых и зигзагообразных линий. Вторая подвеска имеет прямоугольную форму размером 7,5 × 5,2 см и тщательно обточенные края (рис. 3.-2). В верхней ее части ближе к одному из краев просверлено отверстие для подвешивания. Изделие орнаментировано шагающе-проташенной гребенкой. Также в качестве подвески использовался венчик энеолитического сосуда с просверленным отверстием (рис. 3.-5). Любопытна подвеска вытянутой каплевидной формы. У нее отсутствует отверстие для подвешива-

ния (рис. 4.-11). Толщина изделия (1 см) давала возможность обвязать его узким ремешком по периметру и в таком виде прикрепить к одежде. Подвеска украшена длинными, диагонально расположенными отпечатками гребенчатого штампа. Таким же способом могла крепиться еще одна подвеска, изготовленная из обломка энеолитического сосуда (рис. 4.-7) (Сериков Ю.Б., 2004. с. 110). В коллекции подвесок присутствуют изделия из фрагментов керамики без орнамента. Крепились они либо с помощью отверстий (рис. 3.-8,10), либо при помощи противоположащих выемок (рис. 3.-3).

Нашивок из фрагментов керамики известно значительно больше, чем подвесок. Они более выдержаны по своей форме, чаще встречаются нашивки круглые, овальные и прямоугольные. Круглые нашивки (диски) рассмотрены выше. Среди нашивок присутствуют изделия как с орнаментом (т.е. изготовленные из фрагментов орнаментированных сосудов), так и без орнамента. Подавляющее число орнаментированных нашивок относится к неолиту-энеолиту (рис. 4.-2–4, 6, 8–10, 12), тогда как неорнаментированные нашивки датируются ранним железным веком (рис. 6.-4, 7-11; 7.-5).

В отличие от орнаментированных «пряслиц», у которых орнамент сосуда только в редких случаях составлял единое целое с формой изделия, орнамент на подвесках и нашивках практически всегда целенаправленно включался в общий замысел изделия. На неолитической подвеске с Шайтанского озера сверху вниз идут чередующиеся прямые и зигзагообразные линии. Расположены они очень своеобразно: в центре композиции находится очень пологая зигзагообразная линия, справа и слева ее окаймляют по одной прямой линии, а за ними (по краям подвески) идут по три высоких зигзага (рис. 3.-1). С Кокшаровского холма происходит керамический диск правильной круглой формы диаметром 5,5 см. Он орнаментирован чередующимися прямыми (4) и зигзагообразными (3) линиями. Причем, прямые линии выполнены приемом «отступающей» палочки, сглаженные зигзагообразные линии образованы гладким прочерчиванием (рис. 2.-2). При использовании в качестве украшения их можно было ориентировать как вертикально, так и горизонтально. Оригинальная нашивка найдена на Юрьинском поселении, расположенным вокруг Кокшаровского холма. Изготовлена она в виде овальной розетки (диаметр по осям 5,8 и 5,2 см) из фрагмента неолитического сосуда. Режущим инструментом (лезвием пластины?) оформлены шесть (или семь?) лепестков розетки. Причем каменным лезвием обработаны не только выемки, разделяющие лепестки, но и их боковые края. Нашивка орнаментирована горизонтальными волнистыми линиями (рис. 4.-2). Такими же линиями (только гуще

расположенными) украшен керамический диск диаметром 5,5-6 см с Шайтанского озера (рис. 2, 1). Важно отметить, что в поверхность изделия была втерта охра (Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю., 1999, с. 88). Представляет интерес прямоугольная нашивка, выточенная из привенчиковой части неолитического сосуда, со стоянки Кокшаровско-Юрьинская II (рис. 4.-3). Она изготовлена таким образом, что в верхней (утолщенной) ее части расположена волнистая линия, а под ней идут шесть (седьмая сохранилась не полностью) прямых линий, образованных отпечатками отступающей палочки (рис. 4.-3). В центре овальной нашивки со святилища Шайтанский Шихан оказались три ромба, образованные гребенчатым штампом (рис. 4.- 4). Необычная нашивка (бляшка) найдена на Шайтанском озере. Ею служил обточенный со всех сторон фрагмент керамики, которому обработкой придали прямоугольную форму размером $2,2 \times 1,5$ см. Причем стенка была обточена таким образом, что в ее центре оказался ромб. А в центре ромба просверлено отверстие диаметром около 1 мм (рис. 4.-8). Интересно отметить, что практически всегда подвески и нашивки обрабатывались с помощью продольной шлифовки. В редких случаях нашивки использовались в качестве керамических скребков (рис. 3.-11; 4.-12).

Чрезвычайно интересными находками являются два керамических диска-кольца. Одно из них целое, склеено из 4-ех фрагментов. Диаметр кольца 5,4–5,8 см. Диаметр внутреннего отверстия необычно большой и составляет 2,1–2,3 см (рис. 4.-1). От второго кольца сохранилось несколько более трети. Оба кольца выточены из неорнаментированных стенок сосудов посредством продольной шлифовки. Внутреннее отверстие прорезано каменным орудием типа угла ножевидной пластины. Еще одно изделие с крупным отверстием найдено в средневековом слое пещеры Туристов на р. Чусовой. Изделие выполнено на фрагменте керамики без орнамента, имеет прямоугольную форму размером $3 \times 2,6$ см. В его центре проделано отверстие диаметром 1,1 см.

Не менее интересными являются два керамических диска с Коловского городища эпохи бронзы в виде зубчатых колесиков (Тюменская область). Их диаметр около 2 см, а толщина 4 и 8 мм. Орнамент на них отсутствует. Аналогии им можно найти среди изделий из камня и кости.

Очень часто заготовки для нашивок получали путем выпиливания их из крупных фрагментов керамики. Весь процесс изготовления нашивок можно проследить на материалах Шайтанского озера, где найдено более 30 фрагментов распиленной керамики. Только на Шайтанском озере I таких фрагментов выявлено 28 экз. Из них 2 фрагмента относятся к сосудам раннего железного века, 6 – к сосудам аятского типа (энеолит), 17 – к сосудам липчинского типа (энеолит). Еще 3 фрагмента пред-

ставляют собой законченные изделия (рис. 4.-10; 5.-1–2). Вся липчинская керамика со следами распилов происходит от 4 сосудов. Причем один сосуд, богато украшенный ложношнуровым орнаментом, представлен сразу 14 фрагментами (рис. 5.-3–11). Два по два обломка склеились в прямоугольные плитки размером $5,5 \times 3,5$ см и $5,5 \times 4,7$ см (рис. 5.-3–4). Толщина стенок сосуда 5-6 мм. Многочисленные следы распилов на липчинской керамике в материалах стоянки Разбойничий Остров фиксирует и Н.М. Чаиркина. Там же присутствуют и законченные изделия из фрагментов липчинских сосудов, которые Н.М. Чаиркина считает шпателями (Чаиркина Н.М., 2005, с. 143, рис. 34.-1–3). Однако крупные размеры (7 – 7,5 – 16,5 см) и выдержанные формы изделий, по мнению автора, позволяют видеть в них нашивки – центральные украшения костюма. Чем вызвано «пристрастие» древнего человека именно к керамике с липчинским орнаментом, остается неясным. При распиловке керамики надпил обычно производили с орнаментированной стороны. Пиление с двух сторон зафиксировано только на одном фрагменте толщиной 8 мм (рис. 5.-2). Затем заготовку надламывали по месту надпила, образовавшийся вылом убирали путем продольной шлифовки. Любопытна нашивка из венчика энеолитического сосуда. Сначала ей планировали придать прямоугольную форму, о чем свидетельствует намеченная пропилом канавка с обратной стороны венчика (рис. 5.-1). Но в итоге нашивку сделали в виде высокой трапеции.

Уникальными находками являются так называемые «утюжки», выполненные из фрагментов керамических сосудов (Усачева И.В., 2007, с. 119). Таких «утюжков» всего 3 экз., все они происходят с Константиновского поселения, расположенного в нижнем течении Дона (Ростовская обл.). На памятнике найдено 10 «утюжков», среди которых наряду с традиционными присутствуют изделия на обломках камня и фрагментах керамики. Керамические «утюжки» имеют прямоугольную форму. Их размеры – $8,6 \times 6,6$ см; $8,4 \times 8,0$ см; $7,6 \times 6,0$ см. Толщина колеблется от 1 до 1,3 см (рис. 6.-12–13). По всей видимости, они являются имитациями подлинных «утюжков», т.е. вотивными изделиями*.

Еще одно предположение об использовании обработанных фрагментах керамических сосудов выдвигают украинские исследователи. На поселениях поздней бронзы–раннего железа они фиксируют сотни небольших (2–5 см) керамических изделий геометрической формы – треугольной, квадратной, трапециевидной, многоугольной, ок-

* Приношу искреннюю благодарность И.В. Усачевой за возможность использовать материалы из ее диссертации.

руглой. По их мнению, обточенные черепки служили фишками для детских игр (Гейко А.В., Гавриш П.А., 2004, с. 75–76).

Комплексы изделий из фрагментов керамических сосудов включают уникальные скульптурки, ранее на Урале, да и в других местах, не встречавшиеся. Они изготовлены из стенок керамических сосудов путем шлифовки боковых краев. Одна скульптура сохранилась почти полностью и изображает фигурку уточки (рис. 6.-2). Высота фигурки 3,1 см, длина сохранившейся части (у нее отломан хвост) – 3,7 см. Реконструируемая длина – около 4,5 см. На фрагменте керамики, из которого сделана уточка, сохранились отпечатки гребенчатого штампа. Изображение уточки несколько необычно: у нее массивная голова, практически отсутствует шея. Такая техника изображения связана, по видимому, со свойствами керамического сырья. Из стенки керамического сосуда практически невозможно выполнить реалистическую фигурку птицы или животного с изображением тонких деталей. Керамика не так прочна, как камень, и при выделке тонких деталей фигурка непременно сломалась бы еще при изготовлении.

Вторая фигурка изображает лосиху. Она сильно фрагментирована. Хорошо сохранилась голова, переходы к спине и передней ноге. Боковые края фигурки отшлифованы. Высверлиной показан глаз животного, слабым разрезом, совпавшим с темным кусочком талька, намечен рот. Шея животного отсутствует, от нижней челюсти идет переход сразу к передней ноге (рис. 6.-4). На фрагменте керамики также прослеживаются отпечатки гребенчатого штампа. Обе фигурки найдены на береговом валу озера. Из-за долгого пребывания скульптур в зоне перемыва следы обработки сохранились неважно. Тем не менее, на боковых краях скульптур можно различить следы резания лезвием каменного ножа.

Третья скульптура выполнена в виде рыбки. Она изготовлена из венчика неолитического сосуда, орнаментированного «прочерченной гребенкой» (рис. 6.-1) (Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю., 1999, с. 88). Учитывая, что скульптуры лосихи и уточки, описанные выше, изготовлены из фрагментов энеолитических сосудов, данную фигурку тоже логично отнести к эпохе энеолита. Все фигурки выполнены в одной технике, все они занимают единое место в мифологической картине мира энеолитического населения Среднего Зауралья, поэтому и относиться должны к одной археологической эпохе. Трудно представить, что на одном памятнике в разные археологические эпохи могли существовать уникальные изделия одного и того же сакрального назначения, одного и того же мифологического контекста, выполненные в одинаковой технике. Вероятность такого события математиками определяется как одна

двухсот пятидесятитысячная, причем – это минимальная величина (подсчеты выполнены кандидатом физико-математических наук, доцентом кафедры математики НТГПИ Ю.М. Филимоновым). По мнению автора, все керамические скульптурки следует отнести к эпохе энеолита. На береговом валу озера, где и найдены эти фигурки, около 93% находок относится к энеолитической эпохе. Именно энеолитом датируются практически все культовые находки, происходящие с данного памятника. Здесь же было обнаружено и энеолитическое погребение шамана с богатым инвентарем. Появление в этом комплексе рыбки, выполненной из венчика неолитического сосуда, находит вполне приемлемое объяснение. Автор неоднократно сталкивался с фактами вторичного использования изделий предшествующих эпох (Сериков Ю.Б., 2001). Этнографические материалы свидетельствуют, что коренное население Урала и Западной Сибири всегда с почитанием относилось к древним предметам и часто использовало их в своей культовой практике. Вероятно, и в данном случае мы столкнулись с подобным фактом. Для изготовления скульптурки рыбы мастер подобрал вымытый в обнажении берега венчик неолитического сосуда, волнистый орнамент с внутренней стороны которого подчеркивал сходство с рыбьим хвостом. Это предположение вполне объясняет тот факт, что все фигурки изготовлены одинаковыми техническими приемами, по единому замыслу и отражают все три уровня мирового дерева (Сериков Ю.Б., 2004, с. 103). Возможно, к скульптурам следует отнести еще два изделия. Они сильно фрагментированы, обработаны продольной шлифовкой. От одной фигурки сохранилась только задняя часть, изображающая, скорее всего круп лося (рис. 6.-3). Второй обломок, возможно, являлся частью тулова животного (рис. 6.-5). Сходство с ним усиливает орнамент, который напоминает шерсть животного.

Совсем недавно появилась информация, что оригинальные керамические скульптурки найдены в материалах бархатовской культуры эпохи поздней бронзы на Коловском городище (Тюменская область) (устное сообщение Н.П. Матвеевой). Кроме упомянутых выше двух дисков с зубчатым краем на памятнике обнаружены два скульптурных изображения голов коровы и барана. Фигурки небольшие (2–3 см длиной), выточены из фрагментов неорнаментированных сосудов толщиной 4-5 мм*.

Совершенно неисследованным аспектом является использование фрагментов керамики в ритуальных действиях. Редко кто из археологов внимательным образом просматривает многотысячные коллекции обломков сосудов. А если что-то необычное и попадает на глаза, то

* Приношу искреннюю благодарность Н.П. Матвеевой за возможность ознакомиться с материалами Коловского городища.

такие находки вследствие их единичности далеко не всегда становятся предметом исследования и публикации.

Одна из таких находок обнаружена на Усть-Вагильском холме (Свердловская обл.). Холм представляет собой культовое сооружение в виде искусственной насыпи диаметром около 50 м и высотой 3,2 м. Среди 15 тысяч находок выделяется фрагмент венчика неолитического сосуда, орнаментированного прочерченными линиями. Поверх орнамента уже по сухой глине были прочерчены непонятные знаки, напоминающие руническое письмо (рис. 6.-6) (Сериков Ю.Б., 2002, с. 134). Поскольку значительная часть находок на Усть-Вагильском холме связана с ранним железным веком, полной уверенности в том, что данные знаки нанесены в эпоху неолита, быть не может. Известны многочисленные факты использования древних предметов в более поздние эпохи (Сериков Ю.Б., 2001, с. 56–57).

Необычное использование фрагментов керамики зафиксировано в самом богатом неолитическом погребении Урала, которое автор трактует как погребение шамана (Сериков Ю.Б., 1998). Обнаружено оно в гроте на Камне Дождевом (р. Чусовая, Средний Урал). На сгибе колена левой ноги погребенного лежал фрагмент керамики, орнаментированный отступающей палочкой. На нем имеется серповидный знак, прорезанный по сухой глине (рис. 6.-11). Интересно отметить, что у колена правой ноги также лежал фрагмент керамики этого же сосуда. По мнению автора, они были нашитые на штаны и играли роль своеобразных «паспортов», призванных служить показателями принадлежности к определенным группам или объединениям (Сериков Ю.Б., 1993, с. 141). Аналогичное расположение двух фрагментов керамики (у колена) зафиксировано еще в одном погребении, уже энеолитическом. Это погребение Гладунино–3, находящееся в Курганской обл. (Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н., 2002, с. 166–168). Находки единичных фрагментов керамики известны и в других погребениях. Совершенно ясно, что просто так отдельные фрагменты сосудов попасть в могилу не могли. Следовательно, они несли в себе определенную семантическую нагрузку. Таким образом, даже необработанные фрагменты керамики могли играть важную роль в ритуальной практике древнего человека.

Любопытные находки обнаружены в Усть-Койвинском пещерном святилище (р. Чусовая). На площадке перед пещерой в районе очага было найдено 8 фрагментов керамики от энеолитического сосуда: 2 венчика, 2 стенки и 4 обломка днища. Возможно, что их количество и то, от каких частей сосуда они происходят, уже имело какое-то определенное значение. Все фрагменты днища склеились в округлый кусок диаметром 9–10 см. Днище сосуда украшено солярным орнаментом

(рис. 6.-9). Данные находки позволяют допустить, что по замыслу обряда использовался не целый сосуд, а лишь его фрагменты, представляющие все части сосуда: венчик, тулово и днище. Причем в данном случае наиболее значимой сакральной частью сосуда являлось днище.

Интересный керамический комплекс выявлен на святилище, расположенном на скалистом шихане горы Голый Камень (г. Нижний Тагил). Кроме многочисленных керамических «пряслиц» и дисков там найден фрагмент керамики, на котором металлическим орудием по сухой глине вырезан серповидный знак. На другом обломке сосуда, ошлакованном, на внешней стороне прорезаны две параллельные линии, одна глубиной до 2 мм, вторая – помельче. На фрагменте керамического диска металлическим ножом прорезана серия тонких параллельных линий (Сериков Ю.Б., Серикова Л.В., 2005, рис. 22.-1,2,5). Все эти находки могут свидетельствовать о проведении на вершине Голого Камня определенных ритуалов с участием отдельно взятых и специально отмеченных фрагментов керамики. А тот факт, что около 70% сосудов комплекса представлено всего одним фрагментом позволяет предположить, что на святилище приносились и участвовали в обрядах не только целые сосуды, но отдельные их куски и даже единичные фрагменты (Сериков Ю.Б., Серикова Л.В., 2005, с. 37–37).

Интересные факты использования в обрядах отдельных фрагментов керамики выявлены на Шайтанском озере. В материалах энеолита и раннего железного века присутствует несколько черепков, на внутренней стороне которых присутствуют насечки, нанесенные по сухой глине. Иногда они имеют систематизированный характер (рис. 6.-14). На двух фрагментах керамики, в одном случае с внутренней стороны (рис. 6.-7), в другом – с внешней (рис. 6.-8) по сухой глине прорезаны косые кресты. По этнографическим данным косой крест выполняет функцию «охраны». Иногда он трактуется как знак закрытия (перекрытия) (Калинина И.В., 2006, с. 400).

Представляет интерес обломок стенки от сосуда родановской культуры IX–XV вв. На неполном куске тулова сосуда сохранилось 31 отверстие. В тесте сосуда фиксируется очень большая примесь охры. Фрагментов от сосуда 92, но только на одном из них с внутренней стороны присутствует прорезанные металлическим орудием прямые перекрещивающиеся линии – своеобразное «граффити» (рис. 6.-10). Следует подчеркнуть, что родановская культура бытовала на западном склоне Урала (верхнее течение Камы), тогда как Шайтанское озеро находится на территории Среднего Зауралья.

Таким образом, представленные материалы показывают широкое и многообразное использование фрагментов разбитых керамических сосудов в культовой практике древнего населения Урала.

Библиографический список

1. Берсенева Н.А. Керамические пряслица из погребений саргатской культуры // XIV Уральское археологическое совещание: Тезисы докладов. Челябинск, 1999. С. 115–117.
2. Берсенева Н.А., Берсенев А.Г. К проблеме функционального определения артефактов: керамические пряслица саргатской культуры // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Материалы всероссийской научной конференции. Омск, 2004. С. 202–204.
3. Берсенева Н.А., Берсенев А.Г. Трасологические аспекты изучения керамических пряслиц // Северный Археологический Конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург, 2002. С. 221–222.
4. Бишони Р. Неопубликованные находки из Анау, хранящиеся в музее Пибоди (США) // СА. 1977. № 2. С. 152–161.
5. Викторова В.Д. Пряслица в мифо-ритуальной практике народов Урала в раннем железном веке // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы международной научной конференции. Пермь, 2003. С. 194–197.
6. Викторова В.Д., Непомнящая О.В. «Пряслица» с памятников иткульского металлургического очага // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2006. С. 130–143.
7. Гейко А.В., Гавриш П.А. Об использовании обработанных фрагментов керамической посуды (по археологическим и этнографическим данным) // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов. Алматы; Омск, 2004. С. 75–76.
8. Гуляева Ю.П., Коренюк С.Н. Солярная символика на изделиях ананьинской культуры (VIII–III вв. до н. э.) // Полевой симпозиум «Святынища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996. С. 24–26.
9. Калинина И.В. Орнаментальные композиции на мезолитических наконечниках стрел в связи с культовым характером пещеры Камень Дыроватый // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006. С. 393–402.
10. Коренюк С.Н. Образ волка-собаки в искусстве населения Прикамья в раннем железном веке // XVI Уральское археологическое совещание: Материалы международной научной конференции. Пермь, 2003. С. 203–205.
11. Котов В.Г. Семантика пряслиц ананьинской культуры // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы международной научной конференции. Пермь, 2003. С. 201–202.
12. Отрощенко В.В. О функции колесовидных дисков эпохи поздней бронзы // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А. Формозова). М., 2004. С. 224–227.

13. Потемкина Т.М. Древние святилища как источник исследования мировоззренческих традиций (по материалам Обь-Иртышья) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург–Сургут, 2007. С. 197–223.
14. Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М., 1995. 152 с.
15. Сериков Ю.Б. Исследование грота на камне Дождевом (р.Чусовая) // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. Екатеринбург, 1993. С. 120–143.
16. Сериков Ю.Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Часть I. Уфа, 1996. С. 34–36.
17. Сериков Ю.Б. Шаманские погребения Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург, 1998. С. 29–47.
18. Сериков Ю.Б. Вторичное использование изделий предшествующих эпох // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции. Оренбург, 2001. С. 56–57.
19. Сериков Ю.Б. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург, 2002. С. 127–150.
20. Сериков Ю.Б. Культовый памятник нового типа на западном берегу Шайтанского озера // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки. Нижний Тагил, 2004. С. 101–146.
21. Сериков Ю.Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 2005. С. 93–101.
22. Сериков Ю.Б. Украшения древнего человека по материалам археологических памятников Урала // Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего коллоквиума. Вып. 4. Омск, 2007. С. 78–84.
23. Сериков Ю.Б., Серикова Л.В. Святилище на вершине горы Голый Камень (Нижний Тагил). Нижний Тагил, 2005. 79 с.
24. Усачева И.В. Иррациональное в «утюжках» // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. Екатеринбург–Сургут, 2007. С. 119–120.
25. Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005. 312 с.
26. Черных Е.М., Тищенко И.Г. «Свернувшийся зверь» – волк, медведь, дракон? (К вопросу о появлении мотива в декоре пряслиц ананьинской культуры // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2006. С. 125–129.
27. Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. Предметы культового назначения стоянки Шайтанское Озеро I // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Часть 1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. Екатеринбург, 1999. С. 84–89.
28. Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. Энеолитическое захоронение Гладунино–3 в системе доандроновского погребального обряда // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург, 2002. С. 165–191.
29. Шорин А.Ф. История и некоторые итоги изучения Кокшаровского холма // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган, 2007. С. 30–42.

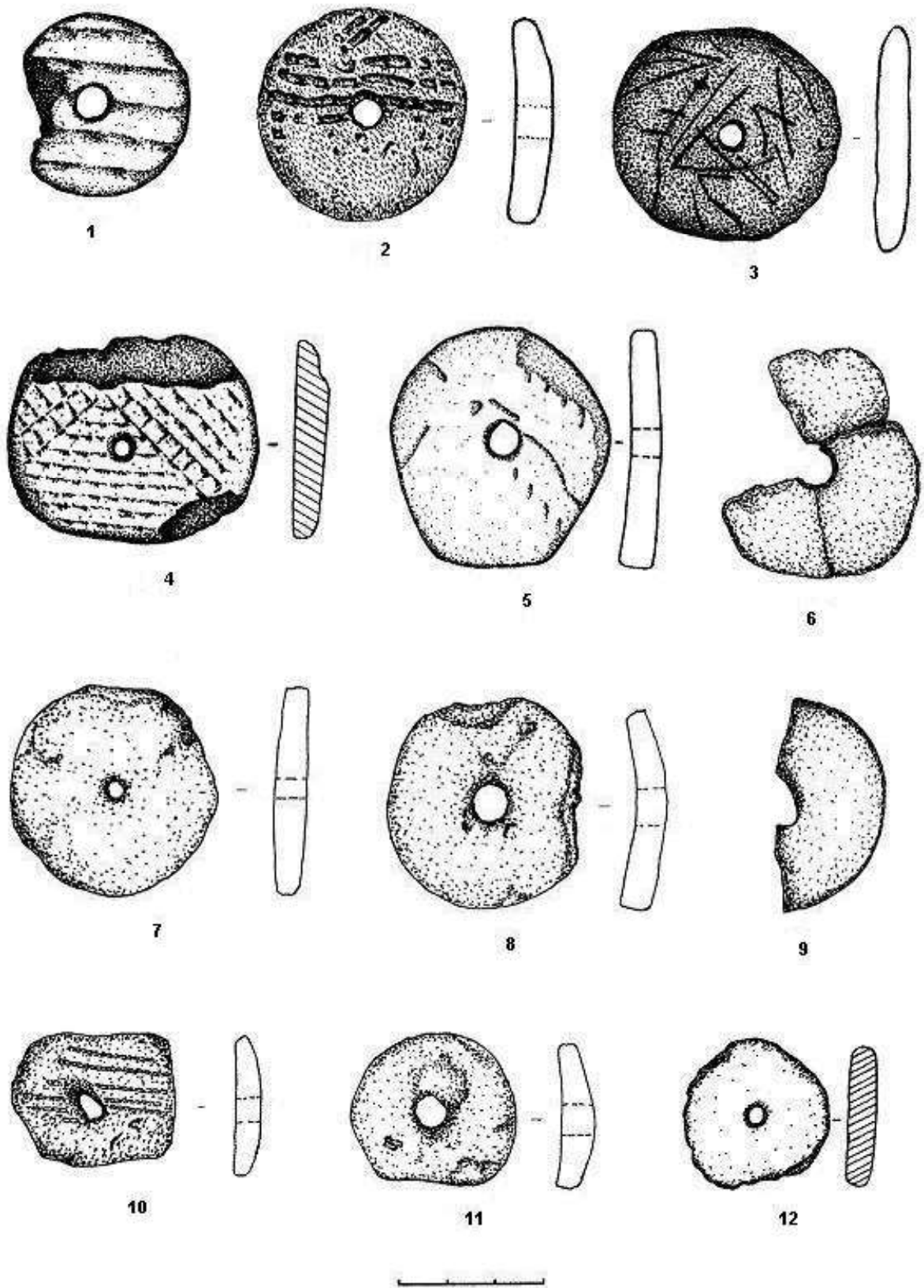

Рис. 1. Керамические «пряслица» (1,4,12 – Шайтанское озеро I; 2 – Аятское озеро; 3 – Кокшаровско-Юрьинская II; 5 – Юрьино IV; 6-11 – Шайтанское озеро II).

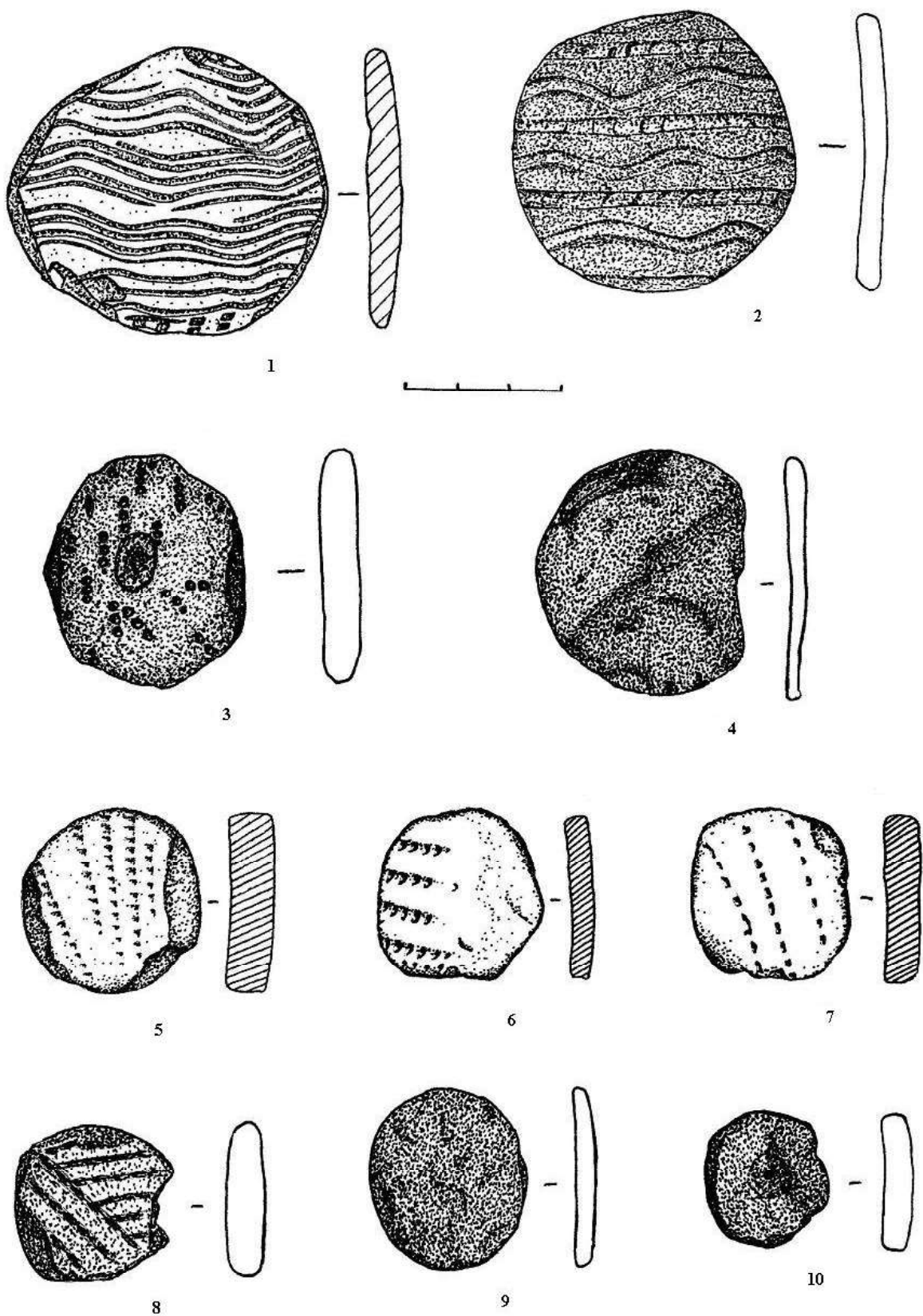

Рис. 2. Керамические диски (1,5-7 – Шайтанское озеро I; 2,4,8-10 – Кокшаровский холм; 3 – Кокшаровско-Юрьинская II).

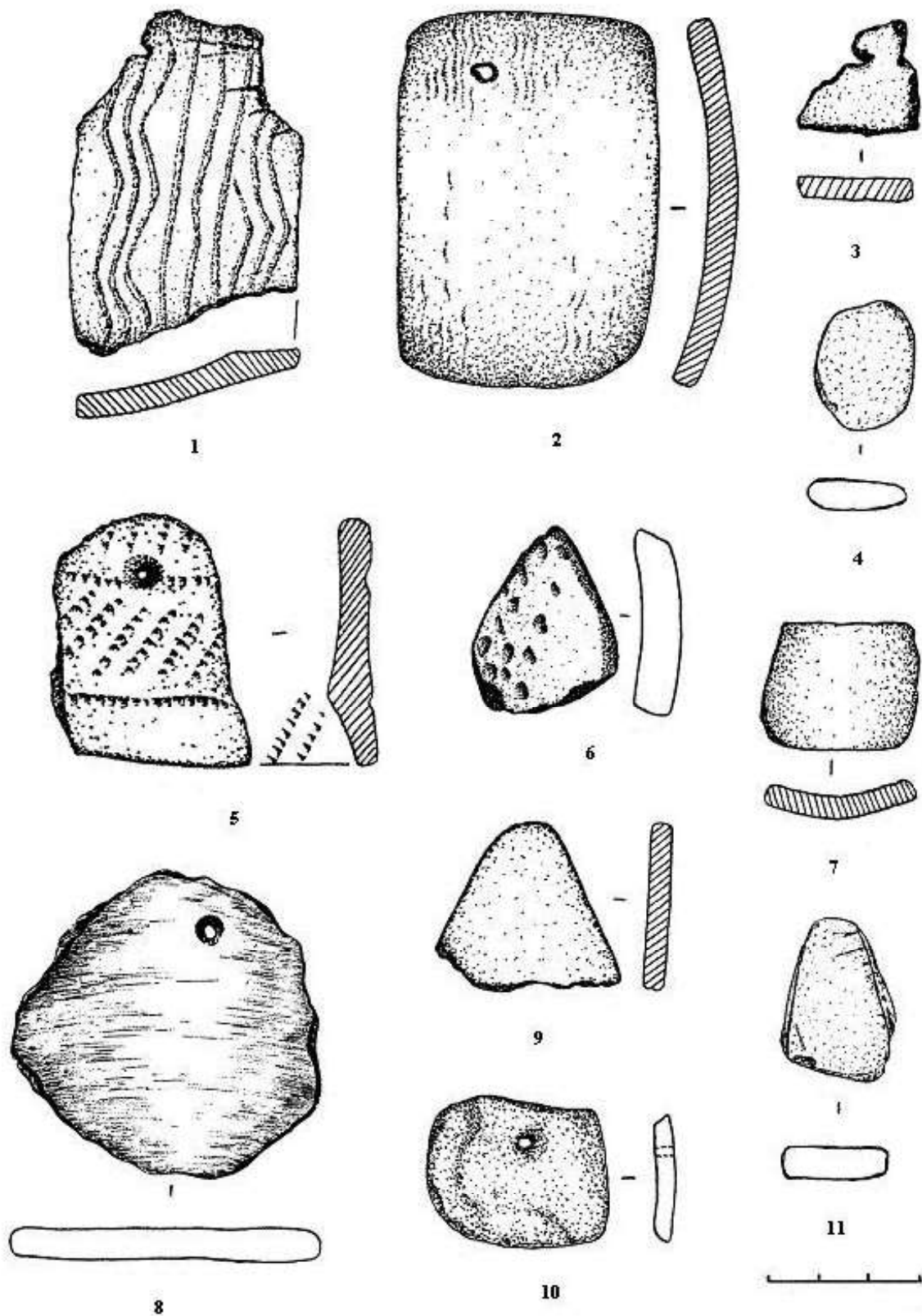

Рис. 3. Украшения из фрагментов керамики
(1-7,9-11 – Шайтанское озеро I; 8 – пещера Котел).

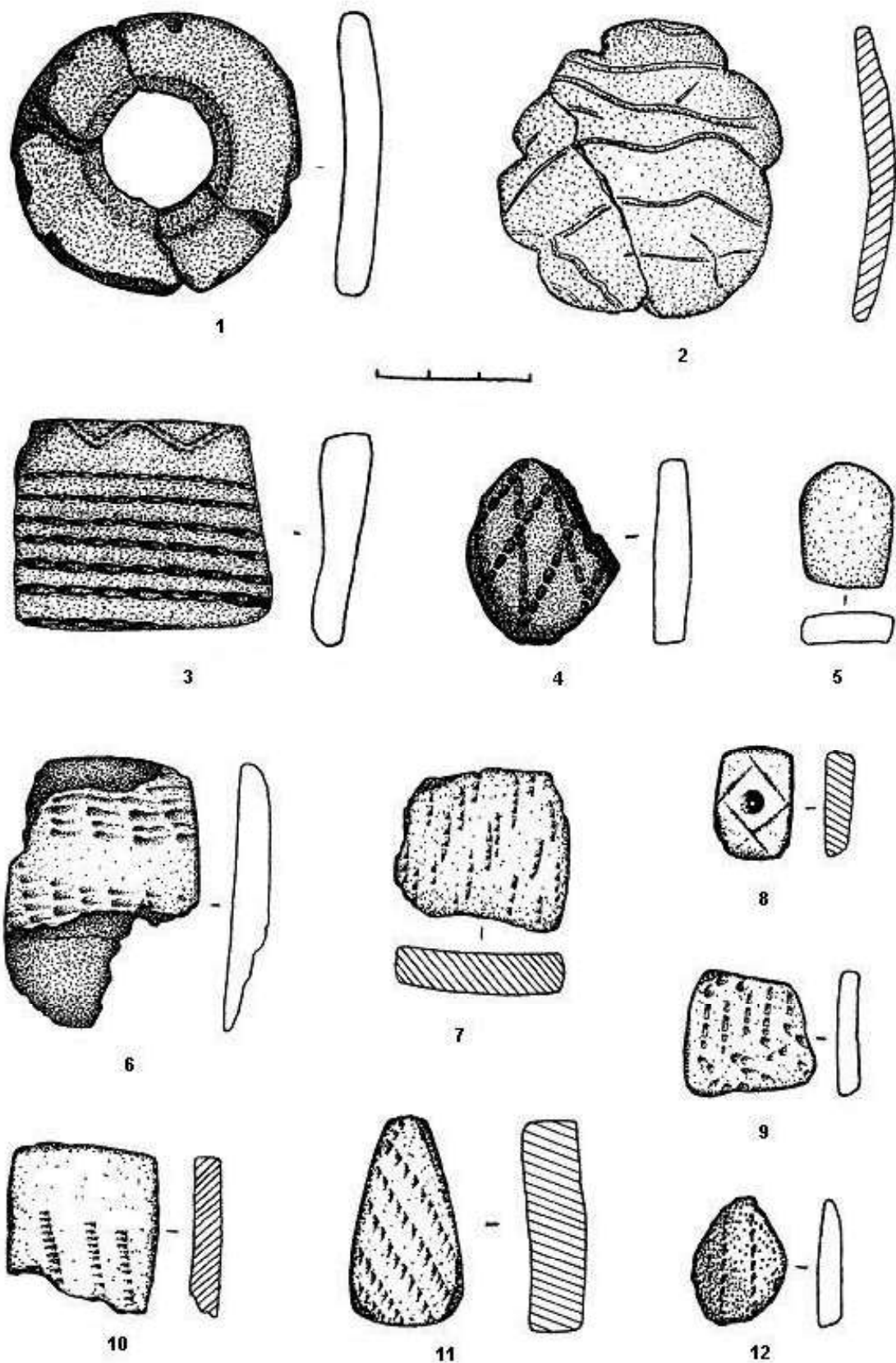

Рис. 4. Украшения из фрагментов керамики
 (1 – Кокшаровский холм; 2 – Юрьинское поселение; 3 – Кокшаровско-Юрьинская II; 4 – Шайтанский Шихан; 5-12 – Шайтанское озеро I).

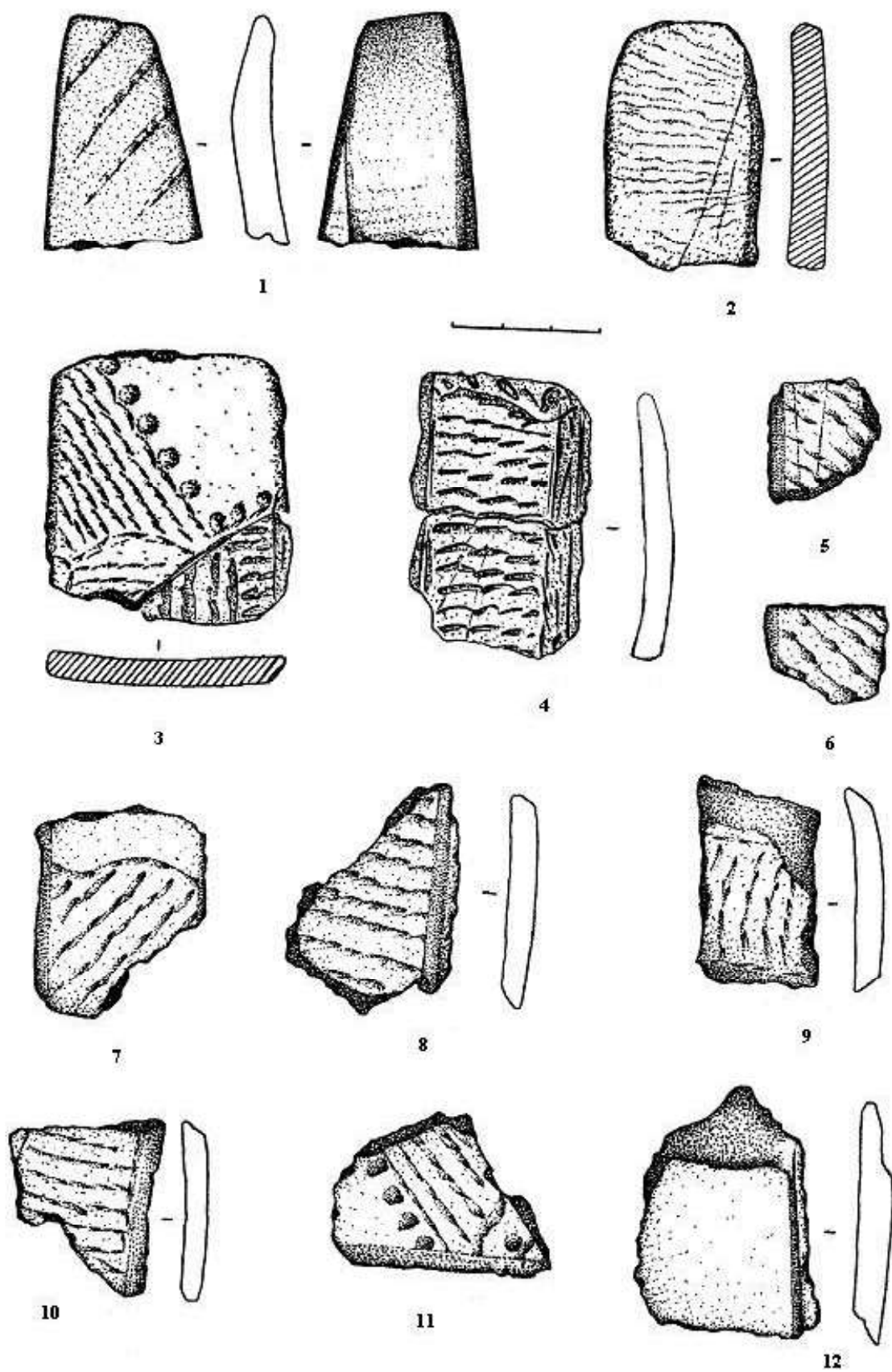

Рис. 5. Изделия из пиленых фрагментов керамики
(1-12 – Шайтанское озеро I).

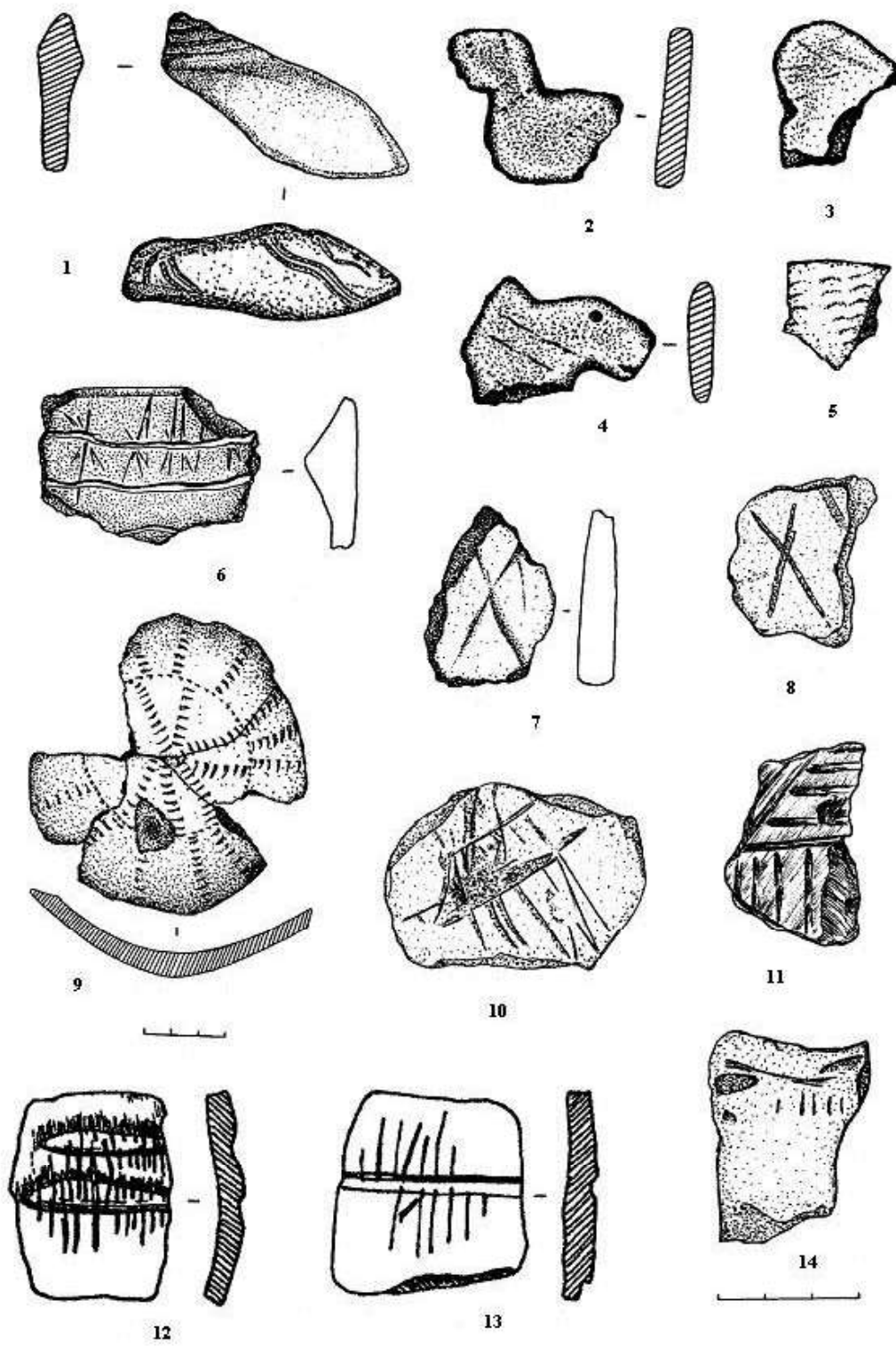

Рис. 6. Изделия из фрагментов керамики
 (1-5 – скульптуры; 6-8, 10-11, 14 – гравировки на фрагментах керамики;
 9 – днище сосуда; 12-13 – «утюжки» (по И.В. Усачевой);
 1-5, 7-8, 10, 14 – Шайтанское озеро I; 6 – Усть-Вагильский холм;
 9 – Усть-Койвинская пещера;
 11 – грот на Камне Дождевом; 12-13 – Константиновское поселение;
 уменьшенный масштаб для днища сосуда и «утюжков»).